

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Лукин

Об истоках феномена демократии и прав человека

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lukin_Tetr_59.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Об истоках феномена демократии и прав человека*

Вопрос о том, является ли представление о демократии и правах человека специфическим западным феноменом или же оно имеет некие универсальные, общечеловеческие характеристики, возник как частная проблема многовекового спора об универсальности и релятивизме человеческой культуры и, соответственно, о многообразии и универсальности норм взаимоотношений индивидуума и социума, индивидуума и государства. На протяжении веков человечество пыталось отыскать баланс между очевидным многообразием культур и этических представлений и не менее очевидными универсальными качествами, присущими нам всем в силу нашей принадлежности к человеческому роду. Кажется, культурное разнообразие не оставляло никаких шансов на поиск общечеловеческих качеств и норм. «Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные», — отметил Геродот две с половиной тысячи лет тому назад. Много веков спустя Редьярд Киплинг категорично заметил: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Но настолько ли глубока пропасть разделяющих нас культурных традиций? В отличие от сторонников идеи непреодолимых различий между представителями различных культур, сторонники гуманистической традиции всегда подчеркивали общность человеческого рода и тех законов, на основе которых существует каждый человек. Так, в своей знаменитой работе «Об общественном договоре» Руссо писал: «...поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его без его согласия. Постановить, что сын рабыни рождается рабом, это значит постановить, что он не рождается человеком». Эта истина была убедитель-

*Владимир Лукин,
уполномоченный по правам
человека в РФ*

* Выступление на первом Всемирном форуме за демократию в Совете Европы, 8 октября 2012 г.

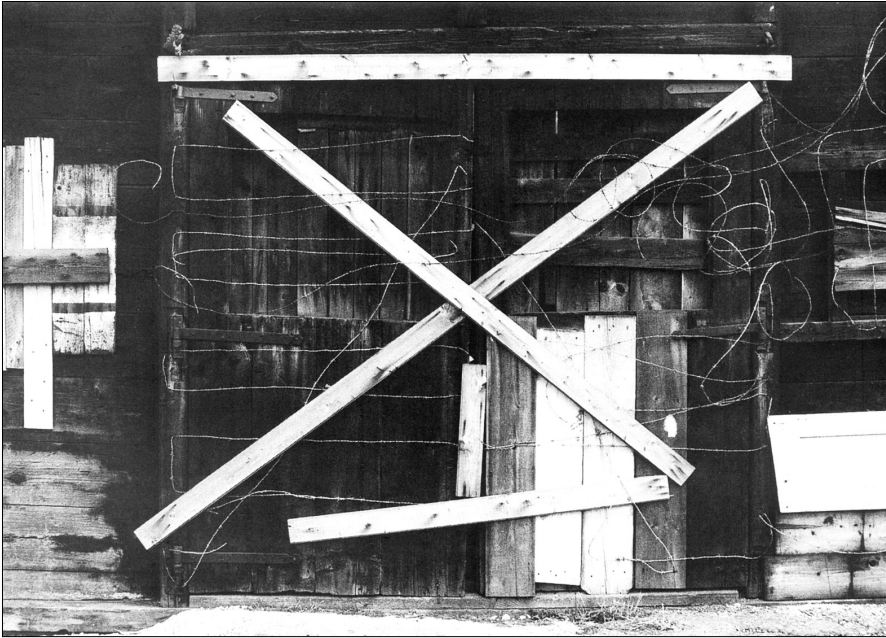
тельно подтверждена в середине XIX века, когда в таких различных в культурном отношении странах, как Россия и Америка, практически одновременно (в 1861 и в 1865 г.) было ликвидировано рабство.

Немецкий философ Кант, размышляя об общности судьбы всего человечества в статье «К вечному миру», отмечал: «Более или менее тесное общение между народами земли, всюду взявшее перевес, развилось настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое и преувеличенное представление о праве, но необходимое дополнение неписаного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человечества вообще и, таким образом, к вечному миру». Думаю что Кант не ошибся. Он просто значительно опередил свое время.

Важным представляется тот факт, что мысли Геродота, Руссо, Канта и многих других, как релятивистов, так и универсалистов, оказались не просто абстрактными соображениями. Эти идеи явились интеллектуальной основой для формирования мощных мировых идеологий XX века, которые, захватывая умы, воплощались в конкретной политике, непосредственно влияя на жизни миллионов людей. Таким парадоксальным образом само противоборство между принципами универсализма и релятивизма со временем приобрело глобальные, универсалистские качества.

Недавние политические события в мире очередной раз заставляют рассматривать давний спор о культурном и этическом релятивизме, а в нашем случае спор о наличии или отсутствии универсалистских истоков феномена демократии и прав человека, через призму конкретных политических практик и их последствий. Думаю, что наиболее реалистическим подходом при анализе универсалистских и релятивистских качеств является не отрицание одного из двух, а поиск верной иерархической зависимости между двумя этими концепциями. Никто не может отрицать очевидного культурного разнообразия, которое через сложную систему норм, традиций, обычаев и ритуалов легло в основу многообразных этических систем и, как следствие, различных представлений о формах взаимодействия индивидуума и общества, индивидуума и власти. Более того, именно всплеск интереса к культурному и этическому релятивизму, именно понимание существования многообразия форм культуры явилось важнейшим шагом к утверждению принципа толерантности как инструмента просвещенных взаимоотношений между представителями различных культур.

В то же время существование различных независимых культурных систем и этических представлений не исключает того факта, что, во-первых, эти системы и их нормы пересекаются друг с другом. Во-вторых, эти, казалось бы, независимые этические системы существуют в динамике, все более и более конвергируя друг с другом. Не сомневаюсь, что этот процесс будет ускоряться в связи с появлением сети Интернет с ее глобальной, мировой информационной системой —

Гарри Сенгерс. Без названия. 1985

основы для массовой конвергенции этических принципов и ослабления регионального культурного релятивизма. Все это указывает на то, что региональные культурные, этические и политические различия являются вторичными, эволюционирующими качествами, стремящимися к общему знаменателю мировых норм, правил и практик. С этой точки зрения представляются в корне ошибочными любые жесткие релятивистские предопределенности политического курса или практики в области прав человека любой страны.

К примеру, говоря о России, кажутся довольно плоскими, а потому несправедливыми рассуждения о «заведомо тоталитарной судьбе России». Ее некоторые западные исследователи пытаются обосновать историческими или, скорее, псевдоисторическими экскурсами в русскую историю. Россия, безусловно, европейская по своей цивилизационной принадлежности страна, которая, однако, в силу ряда исторических особенностей своего развития, обладает некоторыми авторитарными политическими инстинктами, имеющими в своей основе довольно укорененные представления о приоритете коллектива над индивидуальными правами отдельной личности. Мы в своих ежегодных докладах не стыдимся говорить о том, что Россия является развивающейся демократией, которой необходимо время, для того чтобы изжить эти авторитарные инстинкты, или, точнее, необходимо время для конвергенции части норм с общемировой системой этических представлений и правил. Возможно, каннибализм тоже когда-то был «культурной спецификой». Сейчас, на нынешнем этапе человеческой цивилизации это явление выведено за пределы приемлемого поведе-

ния homo sapiens'a. Очередь — за необузданным тираническим властолюбием. Но скажите, какой стране не требовалось время (иногда очень значительное) для решения подобных задач? Давайте вспомним путь Британии к прочным демократическим устоям: от *Magna Carta* до наделения женщин избирательными правами прошло семь веков. Россия развивается значительно быстрее. Нельзя бежать вперед от действительности (у нас уже есть печальный исторический опыт подобных попыток). Тем более нельзя прикрывать разговорами о стабильности застой и гниение. Это не менее верный путь к смуте и хаосу, чем желание обогнать время.

Таким образом, демократия и соответствующие этой политической системе нормы прав человека — это, как показывает опыт разных стран, континентов и культур, универсальный феномен, дороги к которому идут через сонм частных культурных особенностей. В этой связи неубедительно выглядит и релятивистский аргумент опыта Китая, добившегося экономических успехов в рамках недемократических политических процедур. Представляется, что очевидные успехи Китая объясняются не наличием авторитарной системы политического управления, а как раз наоборот — постепенной диверсификацией (пока на преимущественно экономическом уровне) прежнего постреволюционного единообразия. В этом плане Китай периода «культурной революции» и современный Китай — две разные страны. А мы знаем, именно диверсификация экономической и общественной жизни, наличие выбора является одной из черт демократического уклада.

Парадоксальным образом, универсальное значение демократии и ее институтов осознают многие современные политики, чьи практические действия не всегда совпадают с представлениями о демократических принципах и процедурах. Именно поэтому мы наблюдаем феномен поиска эвфемизмов, маскирующих «недемократические» национальные политические реалии. С нашей точки зрения, не существует неких подвидов демократии — *особенной, суверенной, народной* или какой-либо еще. Если в определении демократии присутствует дополнение, то возникает стойкое ощущение, что вас как минимум хотят ввести в заблуждение, укрывшись за спиной «культурной специфики».

Таким образом, путь развития России это не изоляционизм, милитаризация и упорное нежелание следовать общемировому тренду политической демократизации. России, как никогда прежде, необходима эффективная демократическая система ротации политической элиты, что, помимо прочего, гарантирует упрочение демократических институтов страны и более пристальное государственное внимание к проблемам соблюдения прав человека. Этот путь необратим. Но движение по нему, расписание демократического поезда определяется в самой России и ее гражданами.